

К Р О К О Д И Л

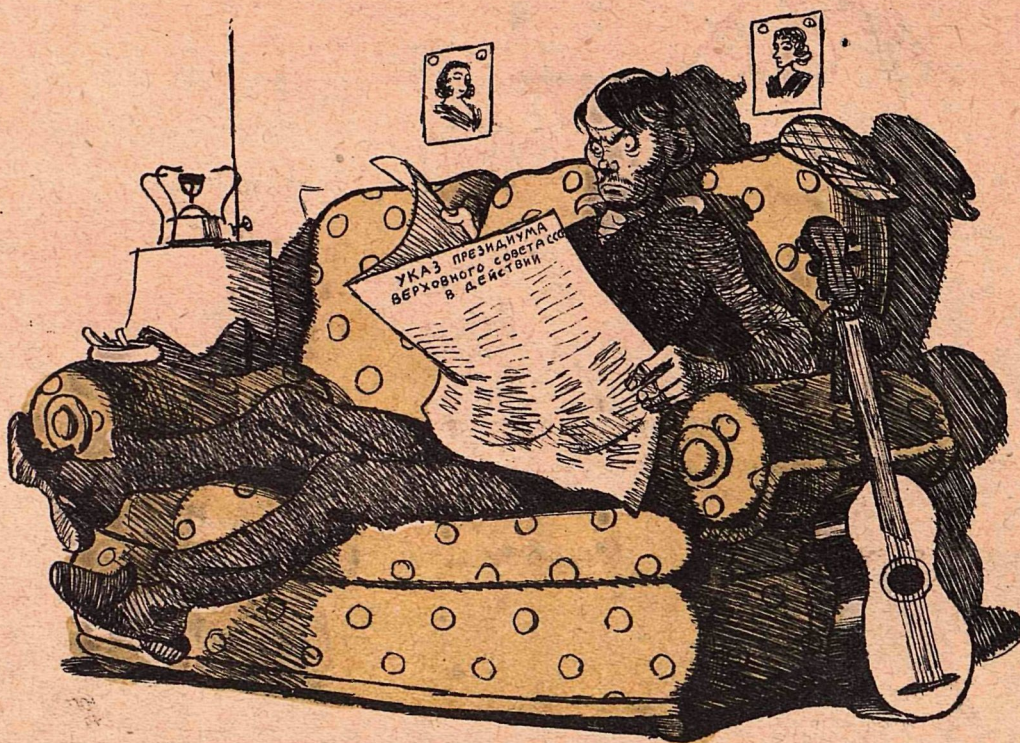
Рис. Л. Генча

— Наконец, сбылась мечта Котовского — напоить советских коней в голубом Дунае.

Рис. Ю. Ганфа

—Какая неприятность! С сегодняшнего дня установилась нелетная погода.

ВАШЕ СЧАСТЬЕ,
читатель, что я не лирик.

Будь я лирик, замучил бы вас описанием природы. Дескать, угасает день, повеяло вечерней прохладой, солнце опускается за перелесок, кругом такая тишина, что и рассказать невозможно, а чайки реют над водой, белым крылом касаясь... И так далее и тому подобное.

Кругом, действительно, замечательные виды. Но на сей раз прохожу мимо них и начинаю рассказ серьезно, по-деловому.

По каналу из Москвы в Калинин идет теплоход. На корме в уютных плетеных креслах сидят двое: он и она.

Он — гражданин средних лет, в очках и малиновом галстуке. Она — молодая девушка в тюбетейке.

Они только что познакомились. Он очень словоохотлив и даже — чорт возьми! — красноречив. Она умно улыбается и слушает его с интересом.

Он пытается очаровать ее географией.

Каждый работает, как умеет. Одни при сердечных атаках пускают в ход стихи, другие — грусть, третьи — смех, четвертые рассказывают о своей бесшабашной храбрости...

Я знаю одного парня, который старается «произвести впечатление» рассказами о своем безумном аппетите: «Для меня, дорогая, съест кило колбасы ничего, ей-богу, не стоит».

А еще знаю одного, который бьет на оригинальность своей натуры: «Вы были в театре? Милая девушка! Кто теперь ходит в театр?! Это очень устарелый вид искусства...»

Но вернемся к нашему герою. Как мы уже отмечали выше, он в колесницу любви впряг географию. Он с увлечением рассказывал сво-

ей спутнице о городах, где он побывал за последние годы.

Тут же, на корме, недалеко от этой пары, на деревянном чемоданчике, сидел молодой человек в полосатой кепке. Восторженно открыв рот от удовольствия, он прислушивался к занимательным рассказам гражданина в очках.

— Мы слабо знаем свою страну, — говорил между тем гражданин в очках. — Вот вы, молодая девушка, знаете ли, например, что представляет собой Вышний Волочок? А? Вышний Волочок, доложу я вам, — это маленькая Венеция. По главным улицам города проходят живописные каналы...

Парень в полосатой кепке не выдержал и вмешался в разговор:

— Это действительно. Гражданин не врет: город на ять! Этих самых каналов там хоть отбавляй.

— Вот-вот... Или, скажем, Кинешма. Городишко, о котором мало кто знает. А какой живописный там берег Волги!

Кепка окончательно включилась в разговор:

— Что верно, то верно: городишко неплохой. Или взять такой город — Тутаев, за Ярославлем. Стоит на горе...

— И с этой горы, братцы мои, вся окрестность как на ладони. А так вообще город грязный.

— Да, да... Но это все пустяки. Настоящий колорит в Средней Азии. Приезжаете в Старую Бухару — и перед вашим взором сразу возникают большие мозаичные колонны...

— Извиняюсь, гражданин. Но тут маленькая ошибочка. Колонны не в Бухаре, а в Самарканде. А в Бухаре рынок превосходный.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

— Вы совершенно правы. Знаете ли, я столько путешествовал, что иногда путаю города. Как-то раз приезжаю в

Днепропетровск, а думаю, что я в Днепро-дзержинске. Прямо смех!

— Что и говорить! Между этими двумя городами большая разница. А вот Вятка очень похожа на Вологду...

— А вы откуда так хорошо знаете все эти места?

Кепка улыбнулась:

— Мне да не знать! Слесарь я. Ну, на заводах и работал. Не понравится в одном месте — катать в другое. Широка страна моя родная... Не слышали: буфет тут есть на теплоходе? Надо пойти взглянуть.

Когда он ушел, гражданин в очках укоризненно покачал головой:

— Подозрительный субъект. Из этих, из летунов. Я таких встречал на всех заводах, где работал. Ну и публика!

— А вы, если не ошибаюсь, инженер? — спросила девушка.

— Угадали. Инженер... Помню, однажды в Краснодаре...

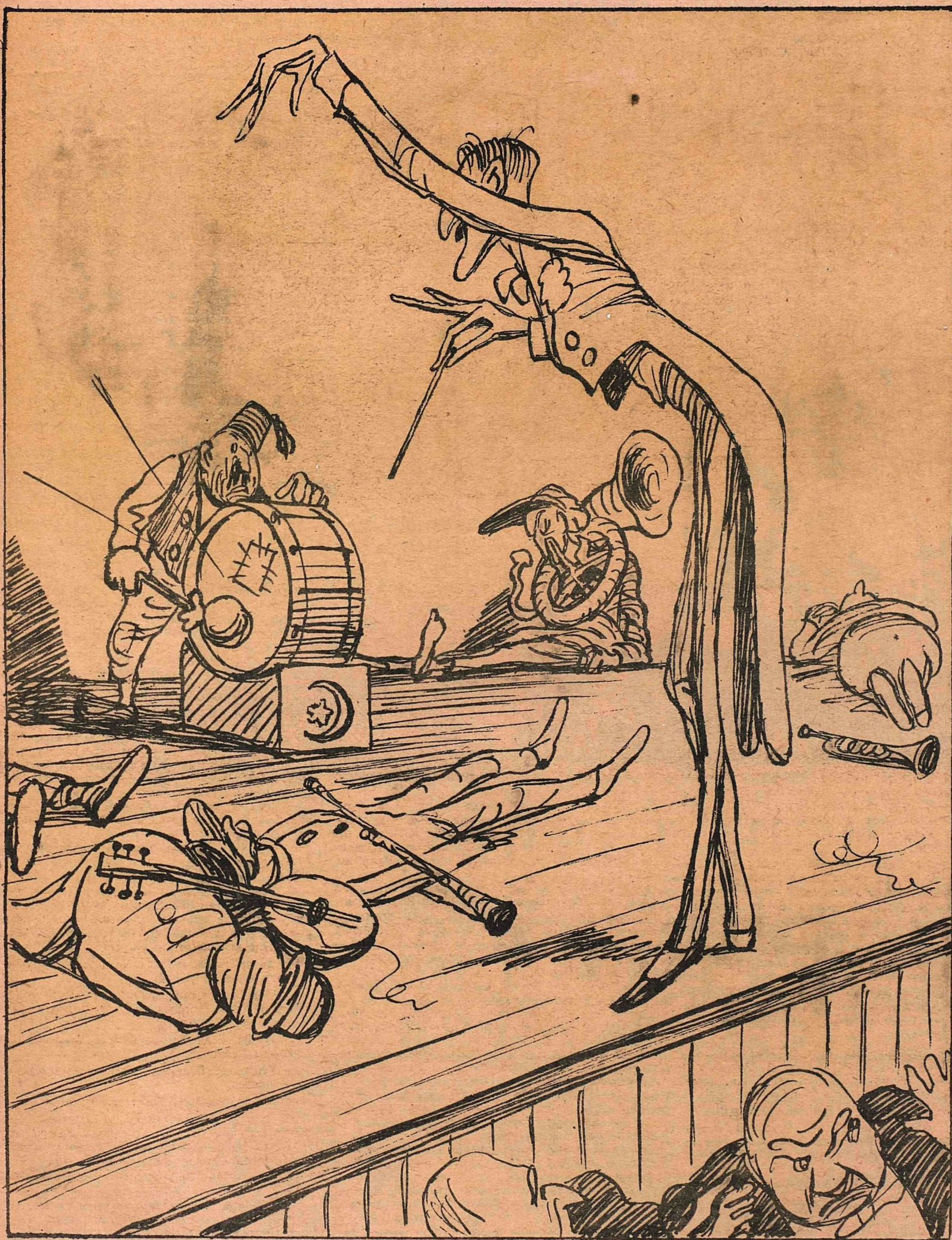
— Я вам завидую. Вы везде побывали.

— Приходится. Поступаю, к примеру, на завод. Смотрю: не создают подходящих, достойных меня условий. А тут получаю заманчивое предложение из другого города. А я человек легкий. Поднялся — и пташкой полетел дальше...

А день угасал, повеяло вечерней прохладой, солнце спустилось за перелесок, кругом такая тишина, что и рассказать невозможно, а чайки реют над водой, белым крылом касаясь...

Г. РЫКЛИН

Дирижер, в шумовом оркестре которого остался один турецкий барабан.

Летняя путина в Тихом океане.

ИСПЫТАНИЕ

ЖИЛА в нашем доме одна семья: муж, жена и сынок, парнишка лет двенадцати. Муж работал на производстве. Жена заботилась о хозяйстве. А ребенок посещал школу. И все шло хорошо и чудесно.

Выходной день — вылазка за город с ребенком впереди. Вечером — культпоход в кино или к зубному врачу. Регулярное посещение бани. И так далее.

Дружная, тихая семья, без претензии на что-нибудь особенное.

В один прекрасный день муж поднимается по лестнице, чтоб проследовать в свою квартиру после трудового дня. И вдруг видит: идет по той же лестнице молоденькая особа. Очень миленькая и красивенькая. Довольно нарядная. С цветком и бонбоньеркой на груди.

Увидев ее, наш муж немножко даже задрожал, поскольку она уж ему очень понравилась.

А она кокетливо улыбнулась и вспорхнула этажом выше.

И вот проходит, может быть, месяц. И наш муж снова встречает сию гражданку на той же самой лестнице.

Происходят взгляды и улыбки. И завязывается первый разговор, из которого выясняется, что молодая особа живет здесь со своей ма-

мой. Ей 19 лет. У нее, как говорится, своя дорога — учеба в школе кройки и шитья.

Да, конечно, она своей судьбой довольна. Но не очень, поскольку все еще впереди, а в настоящий момент ничего особенного.

И вот проходит еще месяц, и наш муж начинает ее усердно посещать. Он заходит к ней в гости. Беседует на разные темы с ней и с ее мамой. И делается там как бы своим человеком.

Он, короче говоря, влюбляется в нее до потери сознания. И, будучи решительным человеком, приходит к мысли о необходимости полной перемены жизни.

И вот — разговор со своей женой, слезы и стенанье. И, наконец, наш муж перебирается этажом выше.

Он поступает до некоторой степени благородно: все оставляет своей семье. И только лишь берет с собой чемодан с бельем и носильными вещами.

Он обещает выплачивать им почти что треть жалованья, но это не уменьшает страдания жены. И там происходят обмороки, рыдания и визг сына. Печальная картина развала и крушения семьи.

Но жребий брошен. Мосты позади сожжены. И наш влюбленный муж, как говорится, вкушает счастье со своей особой.

Но он недолго вкушает счастье. Он младший командир запаса. Его мобилизуют в Красную Армию и направляют на Карельский перешеек.

И он уезжает, нежно простившись со своей плачущей Ритой.

Он пишет ей с фронта короткие письма, в которых описывает суровую боевую жизнь, жестокие бои и адские морозы. Его письма полны решимости и отваги. Это не мямля и не слонтяй пишет с фронта. Это пишет отважный младший командир запаса, для которого долг выше личного счастья.

Но вот письма приходят все реже и реже и, наконец, совсем прекращаются. И Рита не понимает, что это значит. Уже март, конец войны. А писем нет.

И вот однажды приходит письмецо. И Рита, прочитав его, лишается чувств.

Она падает в обморок. И ее мать опрыскивает ее водой, чтоб она пришла в себя. И, придя в себя, она зачитывает мамаше письмецо, в котором говорится: «Милая Рита, я получил ранение. Я потерял ногу. Я теперь инвалид и калека. Отпиши подробно, согласна ли взять меня или мне лучше находиться на государственном обеспечении».

Целый день мама с дочкой обсуждают положение. И, наконец, ему пишется ответ, полный жалости и участия, но вместе с тем говорится, что не так-то просто его взять. Кто же за ним будет ходить? Не может же она, молодая женщина, едва вступившая в свет, посвятить ему свою жизнь. Надо это дело хорошенько обдумать. Тем более, государство теперь обязано за ним последить.

Но вот проходит некоторое время, и его первая жена, Анна Степановна, тоже получает такое же письмо. «Да, — пишет он, — милая Аня, теперь я калека. Ответь, возьмешь ли ты меня такого».

Как бомба разрывается в квартире по получении сего письма.

Но в тот же день бывшая жена ему пишет: «Милый друг, Иван Николаевич, горько плачу о твоём ранении. Видно, уж суждено нам жить с тобой вместе. Зачем ты спрашиваешь: возьму ли я тебя к себе? Отпиши немедленно, куда за тобой приехать. Я буду работать. А там наш Петюшка подрастет, и все будет в лучшем виде».

Но вот проходит несколько дней. И вот — что это? К воротам подъезжает машина. И из нее выходит Иван Николаевич. Он цел и невредим. Ноги у него на месте. И на груди у него сверкает новенький орден.

Все жильцы, находящиеся в этот момент во дворе, раскрывают свои рты от высшего изумления.

Управдом подбегает к нему и говорит:

— Как понять это, Иван Николаевич? Судя по письму, мы думали, что вы в другом виде.

Приехавший берет управдома под руку и говорит ему:

— Любезный друг! Конечно, я поступил, видимо, неправильно, жестоко и так далее. Но суровая жизнь заставила меня задуматься. Я подумал: ничего если меня убьют, но если я потеряю руки или ноги, что будет со мной? Я живо представил себе эту картину и в тот момент решил сделать то, что я сделал. И в этом не раскаиваюсь потому, что теперь знаю, с кем мне надо жить, ибо брак — это не только развлечение.

Управдом говорит:

— Конечно, вы немножко перегнули в своем испытании. Это, как говорится, запрещенный прием. Но раз сделано, так сделано. От души поздравляю вас с орденом Красного знамени.

Тут наш муж поднимается в свой этаж, к первой своей жене, Анне Степановне. И что там происходит в первые пять минут, остается неизвестным.

Известно только, что сын Петюшка по собственной инициативе бежит в верхний этаж и вскоре оттуда приносит папин чемодан с бельем и с носильными вещами.

В тот же день Иван Николаевич объясняется с Ритой. Он просит у нее прощения и целует ей руку, говоря, что он вернулся другим человеком и что к прошлому нет возврата.

Они расстаются скорее дружески чем враждебно. Конечно, молодая женщина досадует на него. Но досада ее умеренна, ибо за время отсутствия мужа ей понравился один человек.

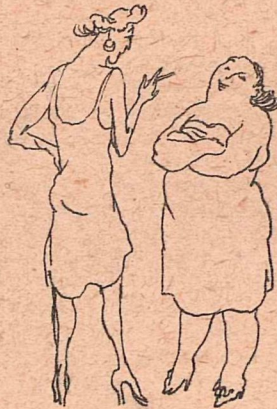
Мих. ЗОЩЕНКО

Разговаривая Семь

ИЛИ БАСНЯ ПРО ИВАНОВЫХ

Дети Ивановы

Ровно в восемь готовы,
А потом затевали спор
И спорили до тех пор,
Пока не опаздывали в школу.

Составили они расписание:

Десять минут на умывание,
Десять — на расставание,
Десять — на завтрак и чай,
Десять минут на трамвай, —

Но все-таки продолжали опаздывать.

Составили другое расписание:

Девять минут на умывание,
Девять — на расставание,
Девять — на завтрак и чай,
Девять минут на трамвай, —

Но все-таки опаздывали попрежнему.

Решили они полечиться

(По соседству была больница),

Говорят они докторам:

«Опаздываем мы по утрам.

Не можете ли вы нас, товарищи, вылечить?»

Доктора надели очки:

«Покажите, — говорят, — языки!»

Высунули языки Ивановы.

Доктора говорят: «Вы здоровы,

Но у вас языки

Длинноваты.

Языки

Во всем виноваты.

Старайтесь поменьше разговаривать».

Помогли Ивановым доктора.

Встают они в семь часов утра,

Неспеша отправляются в ванную,

А потом едят кашу манную,

Кофе пьют или чай с молоком,

На работу ходят пешком —

и, однако, никогда не опаздывают,

потому что все это они делают

без лишних разговоров.

Вот одна из моих

Басен.

А мораль ее такова:

Бросьте попусту тратить слова.

А для тех, кто со мной несогласен,

Прилагается адрес: Москва,

Угол Сретенки и Садовой,

Иванову или Ивановой.

Жили Ивановы на свете:

Иванов,

Иванова

И дети.

Родители ходили на службу, а дети — в школу.

Гражданин Иванов

Вставал в семь часов.

А потом до восьми

Разговаривал с женой и детьми,

А потом заходил

К соседу,

Заводил

На пороге

Беседу,

Пил чай

И бежал догонять трамвай —

И всегда опаздывал на службу.

Гражданка Иванова

Вставала в половине седьмого,

А потом до восьми

Разговаривала с мужем и детьми,

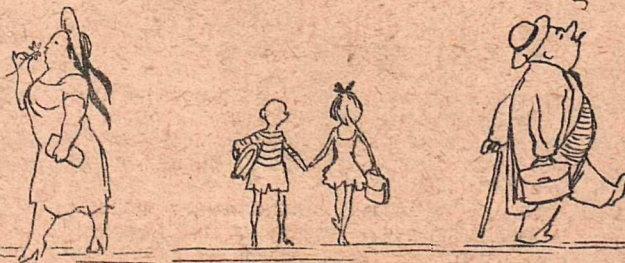
А потом забегала к соседке,

Обсуждала узор на салфетке,

Допивала остывший чай

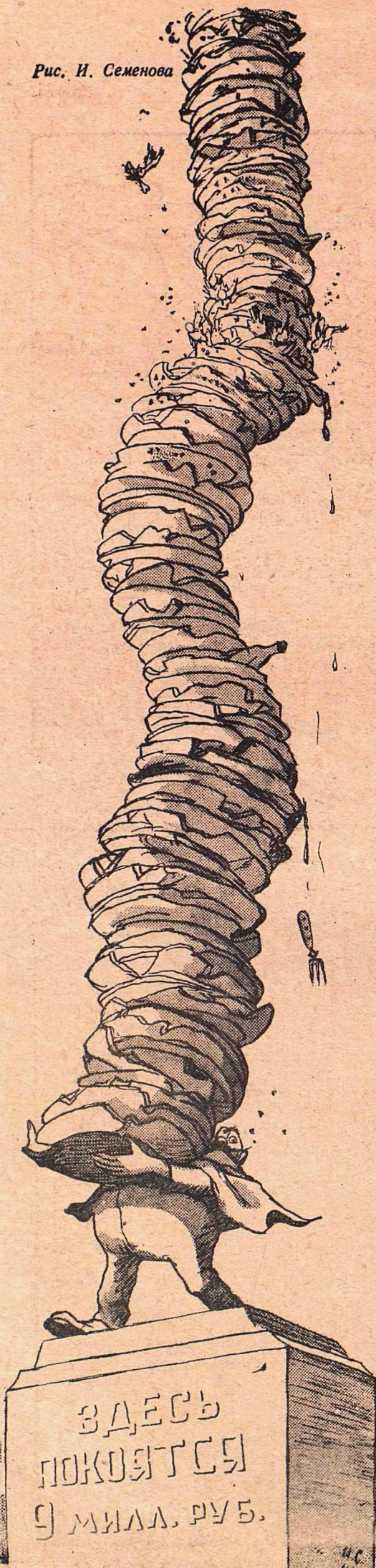
И бегом догоняла трамвай —

И, конечно, опаздывала на работу.

На добрую память

(Одной только посуды за год разбито в столовых Наркомторга РСФСР на 9 миллионов рублей!)

ПОДАРОК выбирали долго. Портсигар сразу отпал, так как Антон Андреевич принадлежал к редкой породе некурящих педагогов.

Портфель не годился по тем соображениям, что в прошлом году Антону Андреевичу уже поднесли портфель ученики тогдашнего седьмого класса «Б».

— Зачем же ему два портфеля? — рассуждали школьники.

— Где вы видали, чтобы человек ходил с двумя портфелями?! А какой же рукой тогда в трамвай садиться?

После того очень долго обсуждалась кандидатура шляпы. Имевшаяся у Антона Андреевича фетровая разновидность, некогда коричневая, давно напращивалась на смену. Было бы очень своевременно удовлетворить ее давнишнее желание, с которым по рассеянности явно не считался ее владелец.

Но, по зрелом обсуждении, оказалось, что и шляпа не годится. На ней нельзя написать, от кого подарок.

Восторжествовал чугунный бюст Пушкина, как самый подходящий для учителя русского языка и вместе с тем очень удобный для помещения внизу, на подставке, теплой надписи:

«Дорогому Антону Андреевичу от благодарных учеников седьмого класса 9-й школы на добрую память. 1940 г.»

Коле Смагину, такому бойкому и энергичному в классе, товарищи поручили реализовать всю эту затею.

Наступил торжественный день вручения подарка. С утра Смагин примчался в граверную мастерскую, куда три дня назад им был сдан чугунный Пушкин.

Подпись была готова и выглядела эффектно.

На черной блестящей поверхности чугуна отчетливо проступали красиво, с завитушками вырезанные слова: «Дорогому...» и т. д.

Смагин поспешно спрятал Пушкина в портфель и чуть не бегом пустился в школу, где его ждали товарищи.

— Ну как?
— Есть.

Чугунный Пушкин выбрался из портфеля. Первый, кто стал рассматривать надпись, вдруг изумился:

— Не пойму, какие слова... «Дорогому... незабвенному Антону от друга. Спи с миром! Вечная тебе память!»

Мгновенное оцепенение вдруг сменилось ревом урагана:

— Что?! Какому незабвенному Антону?! Почему «Спи с миром»?!

— Вот тебе фунт! С чужой бумажки списали...

Смагин энергично сунул Пушкина в портфель:

— Сами виноваты, пусть и выкручиваются. Я сейчас же в мастерскую...

— Все с тобой пойдём! В случае чего, коллективно потребуем жалобную книгу.

Через полчаса семиклассники, готовые к борьбе, заполнили мастерскую. Смагин водрузил Пушкина на прилавок, перед носом служащего:

— Проверьте, что тут написано. Наша квитанция была номер сорок восемь.

— Номер сорок восемь? Сейчас... «Дорогому...»

— А дальше?

— «Антону Андреевичу...»

— Вот видите! А вы написали: «Незабвенному Антону... Спи с миром!» Это значит, кто? Покойник?

— Безусловно, покойник, — согласился служащий. — Если «спи с миром» или, например, «земля пухом», это по их части...

— Так не можем же мы поднести такой подарок живому человеку... Как вы думаете?

— Жаль! — огорченно крикнул служащий. — Для могилки очень бы подходяще. Так и есть! Покойник у нас по заказу номер восемнадцать... Мастер ошибся: че-

тверку принял за единицу... Ну, что же, исправим, — вздохнул служащий, беря Пушкина за голову. — Через три дня.

— Немедленно! — грохнуло сразу несколько голосов.

— Поймите, — пояснил Смагин, — это подарок учителю. Он ждет нас сегодня вечером. Обязательно надо сегодня...

Служащий скрылся с Пушкиным за дверь. Вскоре он вернулся без Пушкина:

— Хорошо. Будет сделано через два часа.

— Только уж на этот раз, пожалуйста, без ошибок.

Когда через два часа бюст оказался опять в руках заказчиков, они тщательно обследовали надпись.

— Гляди в оба! Как бы нам теперь новорожденного не подкинули...

— «До-ро-го-му Ан-то-ну...» — зорко читали они буква за буквой, — от бла-го-дар-ных уч-ни-ков...»

Все было в порядке.

Вечером состоялась торжественная встреча с учителем.

Растроганный Антон Андреевич держал бюст, смущенно перечитывал надпись и, видимо, не находил слов от волнения.

Затем он поставил бюст на письменный стол. Было очень красиво, и школьники в восторге говорили:

— Теперь, Антон Андреевич, вы никогда нас не забудете!

— Да-да... Очень вас благодарю, дорогие ребята...

А когда школьники ушли, Антон Андреевич медленно вернулся к столу, сел и долго смотрел на бюст.

— Да! Действительно не забуду... — он насмешливо улыбнулся. — Не угодно ли?! «На память». А? После «м» «е»... На память!.. Одолжили!.. Да еще на чугуне, под Пушкиным!..

За дверь послышался знакомый голос физика Бутылкина.

Антон Андреевич поспешно схватил бюст и сунул в ящик: «Еще заметит неграмотность... Неловко...»

А на следующий день Антон Андреевич стоял перед прилавком в граверной мастерской и смущенно просил исправить вкравшуюся небольшую ошибку...

— Понимаете, — объяснял он, — после «м» должно быть «я»... А тут «е»... Орфография...

— Исправим орфографию. Через три дня, — сказал мастер, беря Пушкина за голову, и добавил что-то странное и непонятное:

— А я, увидавши знакомый заказ, испугался: неужели опять чего-нибудь по части покойника!..

ИВ. ПРУТКОВ

НА КОНЦЕРТЕ

Рис. И. Семенова

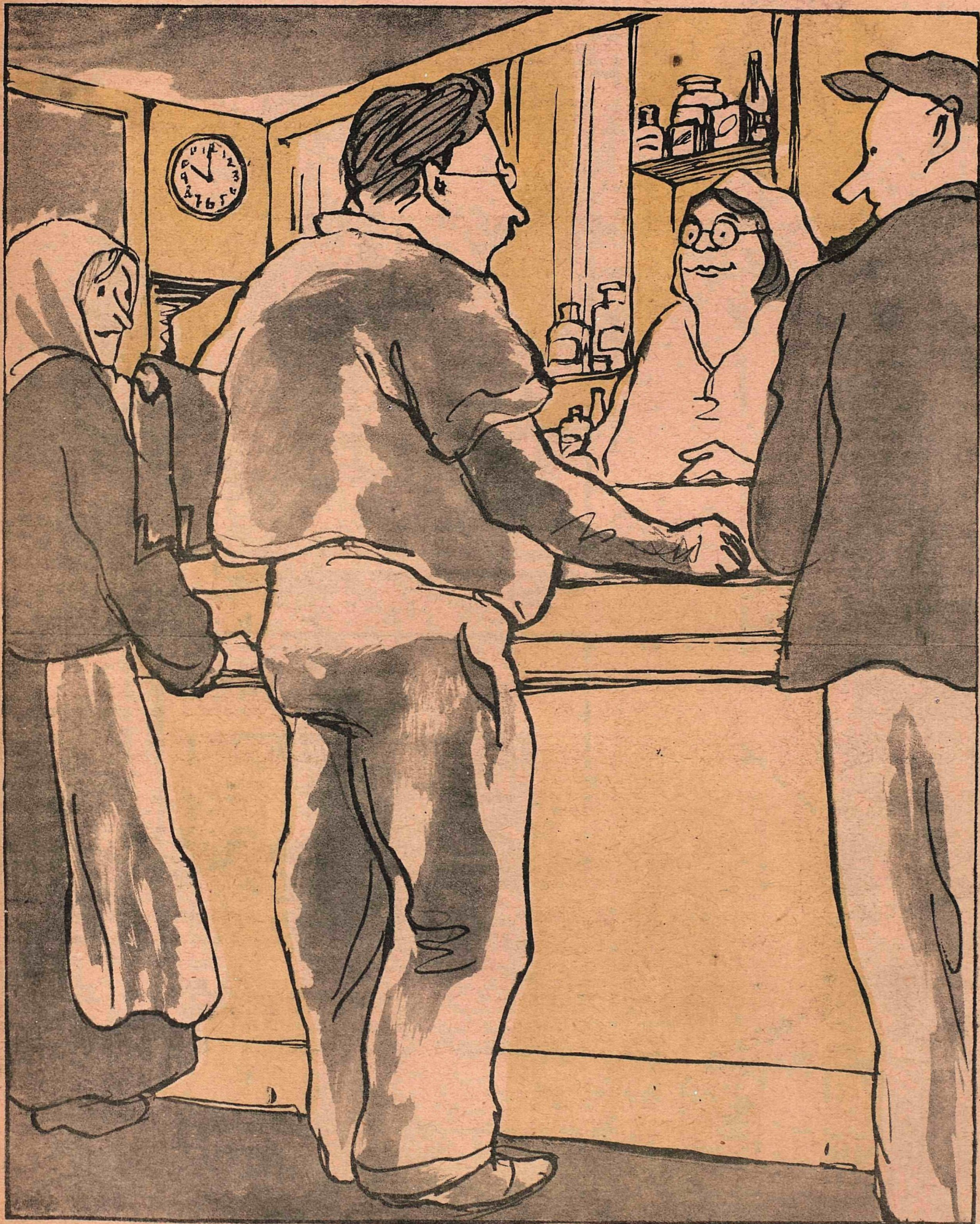

— Что он так долго тянет?
— Он, наверно, забыл конец.

ВРЕДНАЯ ПРИВЫЧКА

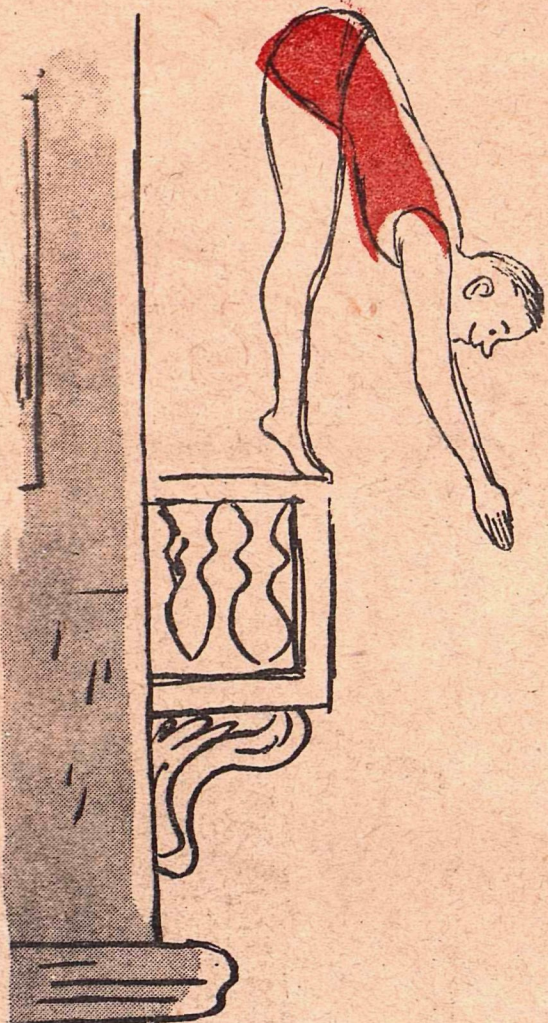
Рис. Л. Бродаты

- От головной боли... Четыреста граммов аспирина...
- Куда столько?
- Простите, ошибся: я думал, что сметную заявку делаю...

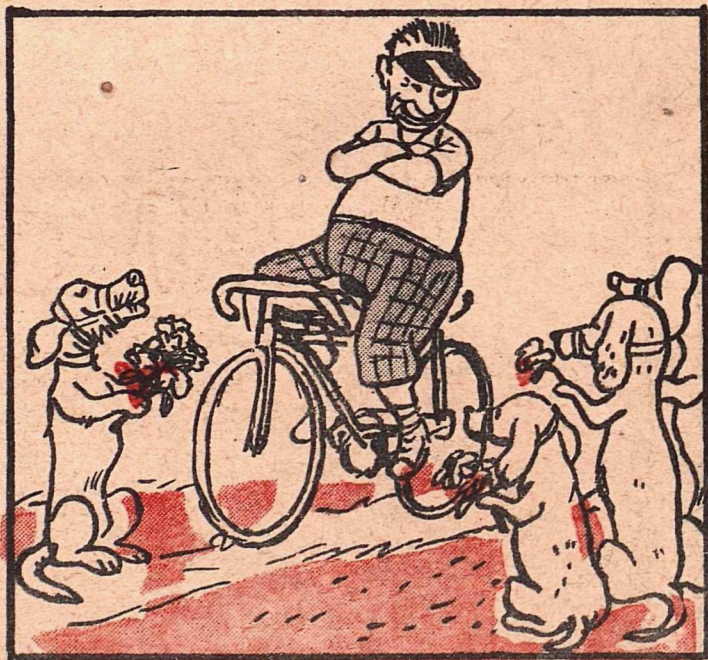
О чем спорт

ОХОТНИК — о том, чтобы дичь была пунктуальна.

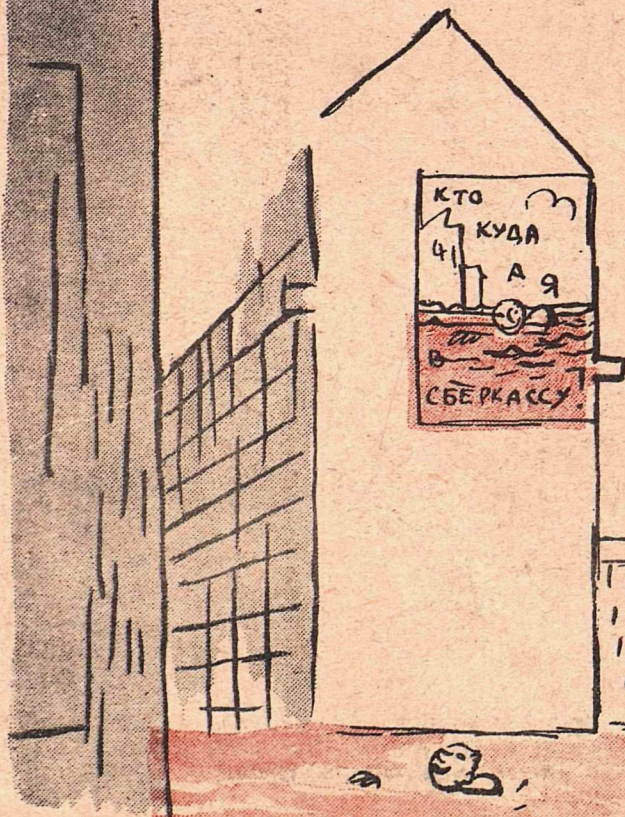
ВРАТАРЬ ФУТБОЛНОЙ КОМАНДЫ «СТАХАНОВЕЦ»

ВЕЛОСИПЕДИСТ — о дружеских отношениях с собаками.

АЛЬПИНИСТЫ (от шины) — о том, чтобы

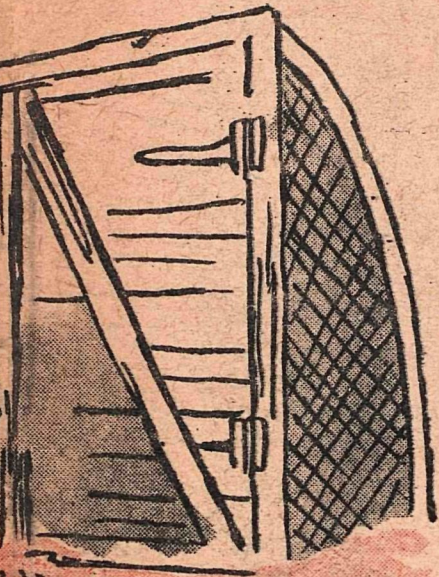
ПЛОВЕЦ — о том, чтобы любой город был похож на Венецию...

мертвотом

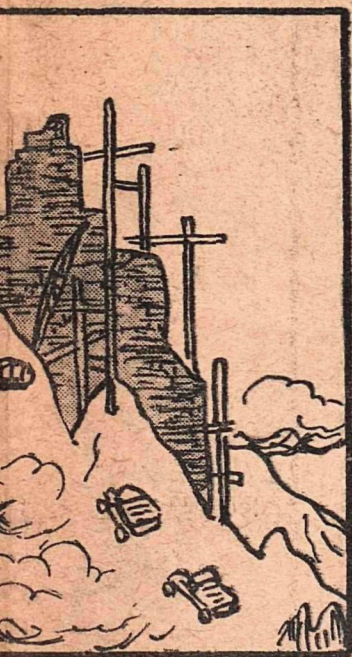
тсмены

БОЛЬНОЙ КОМАНДЫ
О ТАКИХ ВОРОТАХ.

ТЕННИСИСТЫ — о том, чтобы мячи росли
как персики.

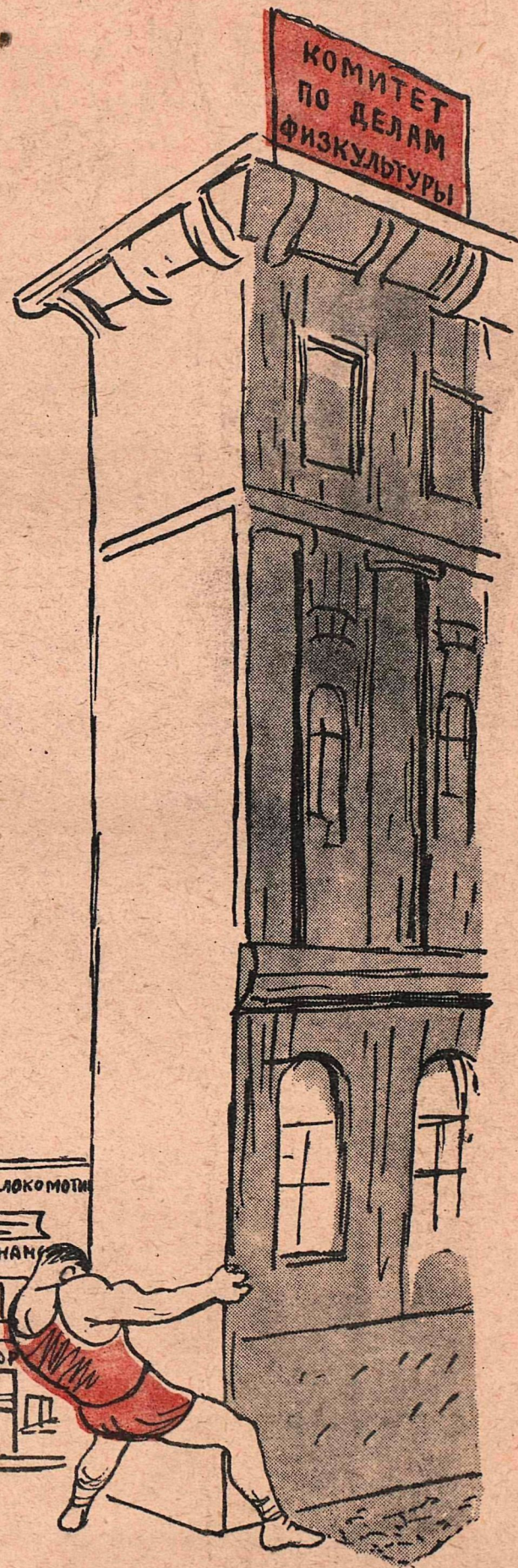

турмовавшие уже все вер-
Казбек был надстроен.

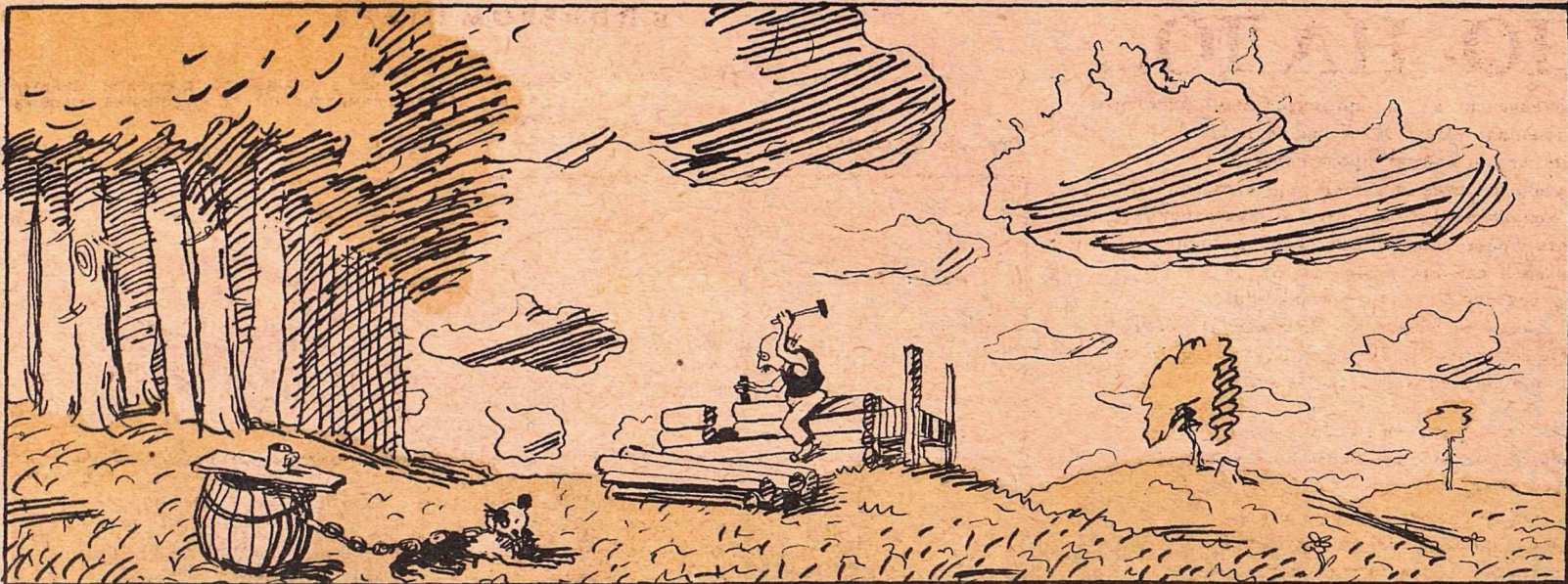
РЫБОЛОВЫ — о том, чтобы караси шли на червячка
в порядке очереди.

Рис. Л. Генча

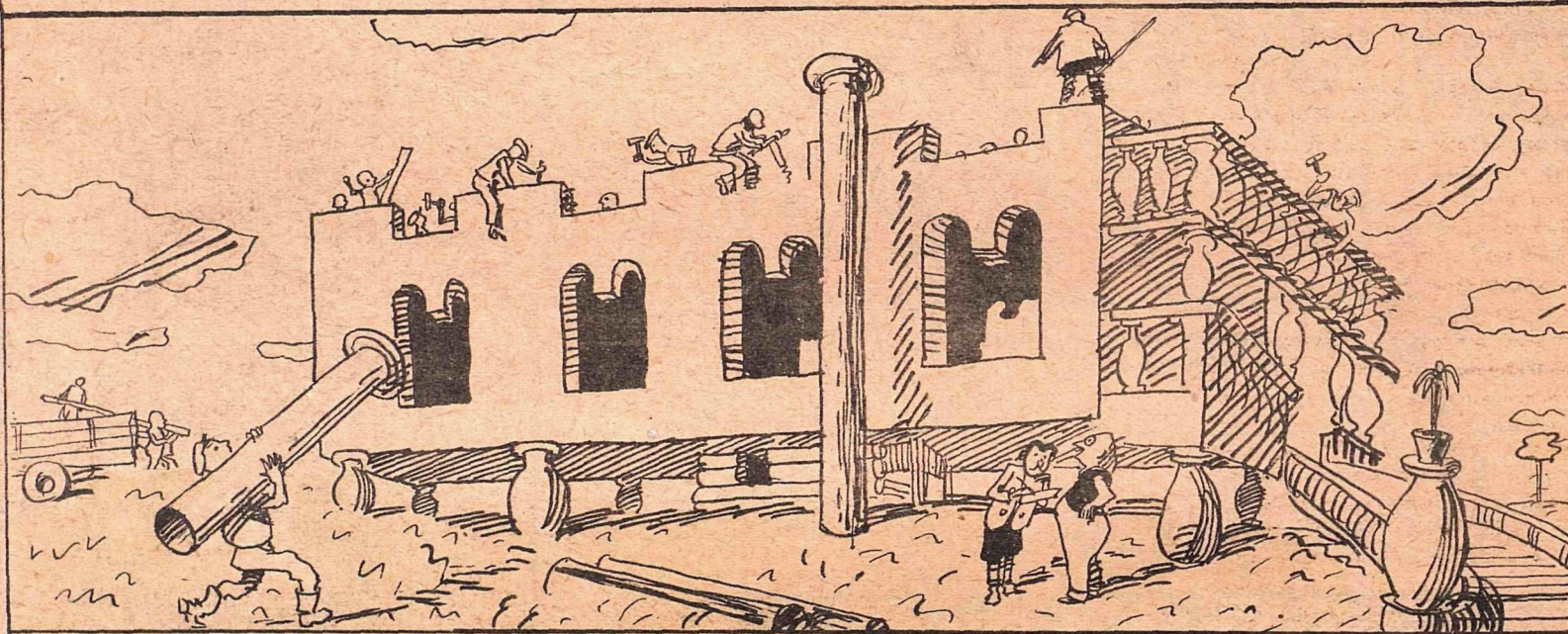

ТЯЖЕЛОАТЛЕТ — об участии в передвижке
зданий, в частности о повороте дома Комитета
по делам физкультуры фасадом к оборонной
работе.

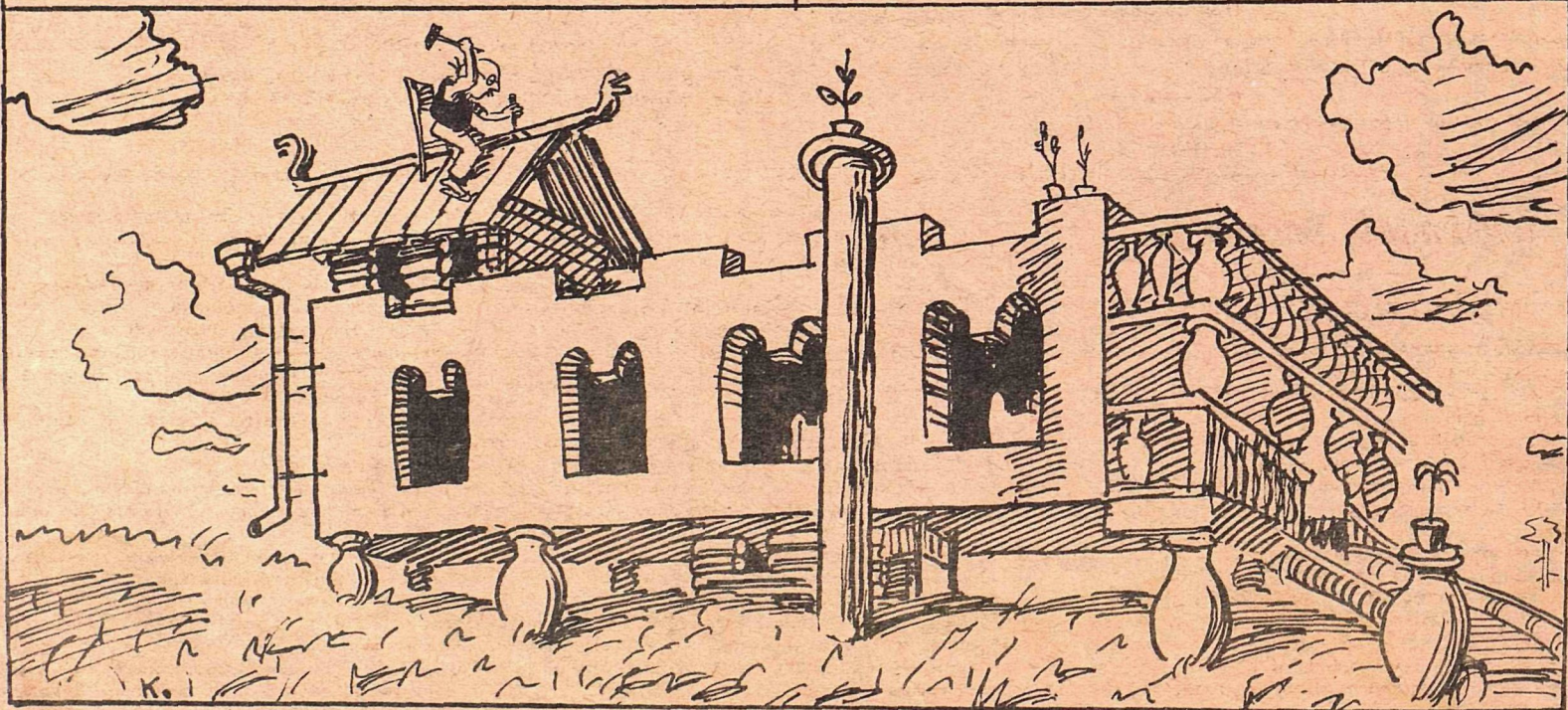

Один уважаемый товарищ — назовем его Икс — задумал строить дачу, так сказать, хозяйственным способом. Его планы были более чем скромны.
— Копеечка счет любит, — сказал товарищ Икс самому себе, — достаточно двух маленьких комнат. В конце концов, много ли нужно дачнику, кроме речки и свежего воздуха?..

Но через две недели планы уважаемого товарища резко изменились. Он добился того, что дачу стали строить на казенный счет. И тогда в голову ему стали приходить разные архитектурные идеи.

Но на земле не бывает полного счастья. Внезапно выяснилось, что государство вовсе не обязано строить дачу для уважаемого товарища.
Но дачу надо было закончить.
— Что же, — сказал самому себе уважаемый товарищ. — Копеечка счет любит. В конце концов, много ли нужно дачнику, кроме...

НО НАДО...

Посмеивался он с презрительным раскатом
И говорил: «Нет! Я не из таких!
Я не желаю вдрызг прозаседаться
И угодить потом в статью или стих!
Но только методов держусь я коллективных:
Пусть прост вопрос, как скорлупа яйца,
Пускай я сам его решил бы дивно
И директиву б дал от своего лица,
Но... надо ж увязать с Натальей Николавной,
Координировать с Игнатом Кузьмичем,
Провентилировать с Пал Палычем

и главное —

Чтоб — в случае чего — быть ни при чем».

Влюбился он в прелестную девицу,
В блондинку от рожденья! И — погиб!
Ему стихи и розы стали сниться,
И в сердце он почувствовал ушиб
Он — лысый — зачирикал вроде птички
И начал нежно, трепетно: «Мой друг!
Послушай! Я...» Но верный раб привычки,
Он вспомнил не без дрожи вдруг,
Что надо ж увязать с Натальей Николавной,
Координировать с Игнатом Кузьмичем,
Провентилировать с Пал Палычем

и главное —

Чтоб — в случае чего — быть ни при чем.

Девица, не дождавшись объяснения,
Другому сердце отдала навек.
Герой наш был в печали и смятенье
(Какой его осудит человек?),
И был ли прав тогда он, нет ли,
Но так удар был страшен и велик,
Что голову свою он сунул в петлю
И... к счастью, вспомнил в этот жуткий миг,
Что надо ж увязать с Натальей Николавной,
Координировать с Игнатом Кузьмичем,
Провентилировать с Пал Палычем

и главное —

Чтоб — в случае чего — быть ни при чем.

И он живет. И медленно лысеют
И лоб его, и сердце, и душа.
И в коллективных шренях тихо зреют
Решения насчет пропавшего гроша,
Насчет яйца, что выедено всмятку...
И нету счета сплывшим часам,
Потраченным на робкую оглядку,
Тогда как все решить он мог бы сам...
Нет! Надо ж увязать с Натальей

Николавной,

Координировать с Игнатом Кузьмичем,
Провентилировать с Пал Палычем

и главное —

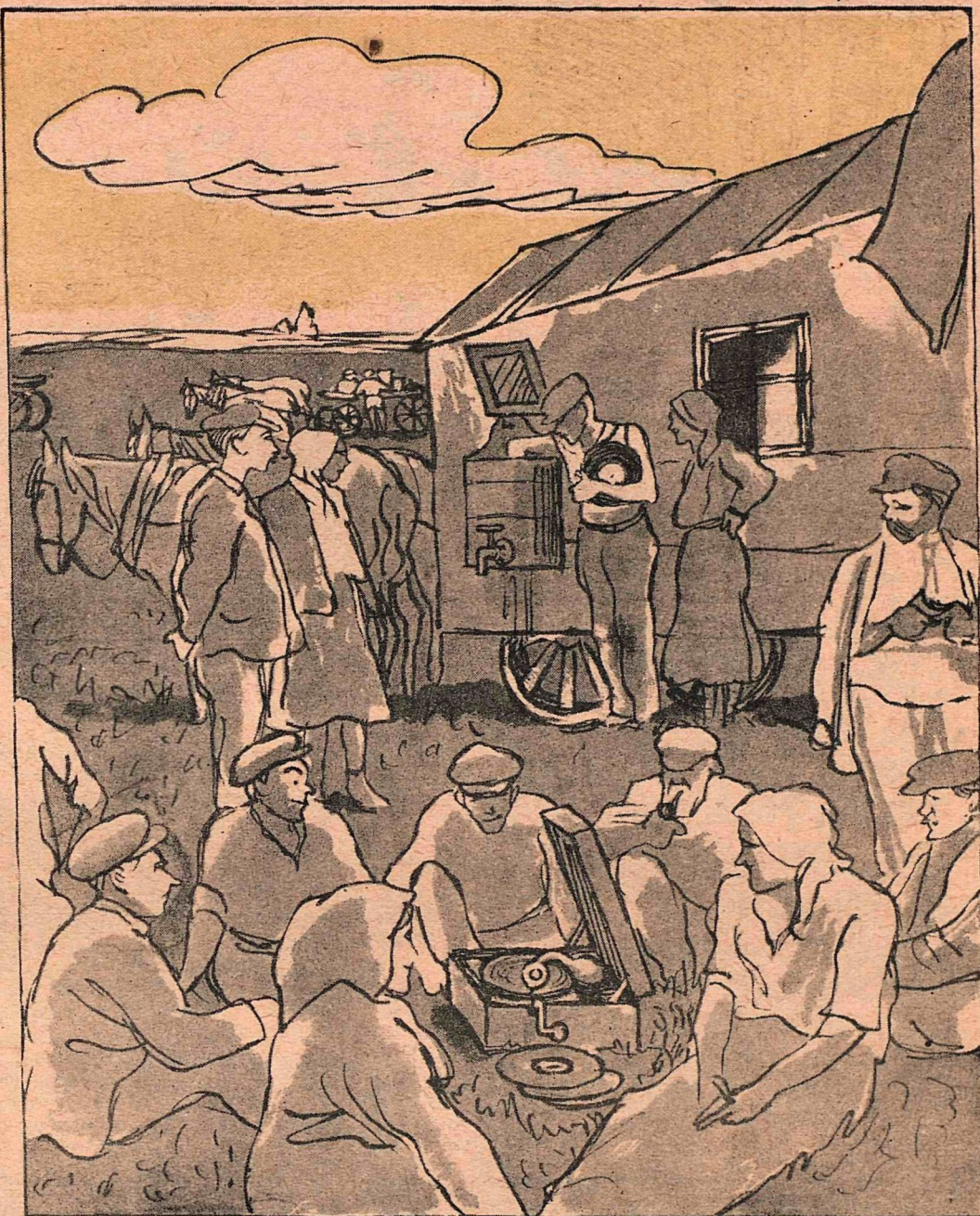
Чтоб — в случае чего — быть ни при чем.

Р. РОМАН

В ПОЛЕВОМ СТАНЕ

Некоторые колхозы в погоне за показательной культурой забыли об элементарном оборудовании полевых станков.

Рис. Л. Бродаты

— Почему ты прячешь пластинки в умывальник?
— Ведь умывальник-то все равно бездействует.

Короткие рассказы

ПОБЕСПОКОИЛИСЬ

Туристы пришли на базу. Один из туристов сказал заведующему:

— До вас новые веяния по туризму, поди, не дошли еще?

— Это какие новые веяния? — хмуро и настороженно спросил заведующий.

— Да чтоб туризм давал закалку, а не баюбаюшки на мягкой кровати под теплым одеяльчиком.

— Об этом не сомневайтесь. У нас давно меры приняты. Побеспокоились уже!

— Не может быть! — воскликнули туристы.

— Может! — возразил заведующий и повел на базу. У лестницы он сказал: — Осторожнее, здесь темно. Трех ступенек нет, ноги не сломайте. Лезьте, держитесь друг за друга. Крепче держитесь!

Туристы полезли.

— А вот ваша спальня..

— Да и стекол в окнах нет!
— Обязательно. И потолок течет при дожде. Матрацев второй год не держим.
— И клопы?!
— Будьте спокойны!.. Здесь закалка. Кто в нашей базе три дня проживет, тому никакие молнии, никакие громы страшны не будут.

ПЫЛЬ

Исполнилось трехлетие работы председателя горсовета Пестрикова. В горсовет был приглашен фотограф для снятия юбилейной карточки.

Когда группа ближайших соратников Пестрикова уселась у него в кабинете, фотограф сказал:

— Может быть, выйдем на солнышко? А то в кабинете... Вот на крыльце, на воздухе.

— Правильно! — сказала Пестриков.

Вышли. Сели. На площади перед горсоветом бегали футболисты, поднимая страшную пыль.

Фотограф сказал:

— Невозможная пыльца.

— Это мы сейчас, — сказал Пестриков, сложил руки рупором и крикнул:

— Эй, ребята, марш отсюда, не пылите!
И заметил укоризненно блондину в губейке:

— Евстафьев, сколько раз в протоколах писали, чтоб озеленить площадь.

— Спокойно! — сказал фотограф.

Вдруг через площадь пронеслись на вокзал извозчики. Сам Пестриков зачихал от пыли и крикнул фотографу:

— Погодите, погодите, а то я с гримасой выйду!

И повернулся к соседу:

— Егор Филиппыч! Было записано, чтоб в сухие дни поливать площадь? Почему не поливаете?

— Я сейчас приму меры, — сказал начальник милиции и, позвав милиционера, приказал никого пока не пускать через площадь.

Фотограф поднял руку — и вдруг ветер поднял смерч пыли. Пыль скрыла и фотографа и группу. Отплеываясь, Пестриков бормотал:

— Эта пыль сорвет весь юбилей! Товарищ Дьяченко, вам как члену юбилейкома объявляю выговор, да, строгий выговор!

В. ТОБОЛЯКОВ

Рис. Б. Пророкова

ИЗ ЗАЛА СУДА

ГРАЖДАНЕ СУДЬИ, покойница была ко мне так привязана,— начал свою трогательную речь Диодор Окуньков. — Она была так преданна дому, никуда не выходила... Два года я воспитывал, растил, кормил ее из собственных средств... И вдруг рука убийцы прервала молодую жизнь. Это ужасно, граждане судьи! И вот перед вами убийца — Мария Ивановна Дмитрова. Это у нее не дрогнула рука. Я понял все, когда спустя несколько дней обнаружил труп в пыли на улице. Я знаю, Дмитрова будет оправдываться, но улики налицо. Сюда вызвана свидетельница Могила, она много раз слышала, какой бранью осыпала мою воспитанницу Дмитрова.

Истец говорил взволнованно и горячо, он требовал для убийцы самой суровой кары.

— Гражданка Дмитрова, что вы можете показать по делу? — строго спросил народный судья 9-го участка города Днепропетровска Якутович. — Признаете себя виновной?

Со скамьи подсудимых поднялась 70-летняя старушка.

— Я не убивала, граждане судьи! Уж, поверьте, не убивала. Я ничего не имела против этой самой...

— Так вы не признаете себя виновной?

— Не могу я этого признать... Не совершила.

Вызывается свидетельница Степанида Могила. Судья предупреждает ее, что она должна говорить только правду, за ложные показания статья 89-я Уголовного кодекса карает лишением свободы до 6 месяцев и т. д. и т. п.

— Я ничего не знаю,— говорит Могила.— Ничего!..

Суд удалился на совещание. Потерпевший архивариус Днепропетровского пишеторга Окуньков успокаивал себя тем, что его требования, безусловно, будут удовлетворены. Он считал, раз уж народный суд заседает и слушает дело, значит, и сам судья придает этому происшествию не меньшее значение чем сам пострадавший.

И вдруг суд выносит решение о том, что вина Дмитровой не доказана, и Окунькову в иске было отказано.

Истец ошеломлен. Он не допустит! Пусть разберет дело областной суд.

В тот же день Окуньков написал кассационную жалобу, которая немногим отличалась от заявления в первую инстанцию — народный суд:

«В нарсад 9-го участка г. Днепропетровска от гражданина Окунькова Д. М.

В конце февраля 1940 года у меня пропала двухлетняя кошка. Через несколько дней на углу Фрунзенской и Ленинградской я обнаружил ее труп. В похищении и убийстве кошки следы навели на мою соседку Марию Ивановну Дмитрову. Присутствие кошки обеспечивало от появления в квартире крыс и мышей, кои уничтожают продукты, портят домашний обиход. Гражданка Дмитрова не кормила кошку из своих средств, а за защиту от грызунов заплатила грубой неблагодарностью. Безнаказанно оставлять грубое самовольное действие Дмитровой нельзя, т. к. в будущем с ее стороны могут появиться и другие самоочинства. Содержание кошки в течение двух лет оцениваю в 30 рублей и стоимость шкурки 20 рублей, какую сумму и прошу взыскать с гражданки Дмитровой в мою пользу, а также взыскать с нее судебные издержки. По делу прошу вызвать свидетельницу гражданку Могила Степаниду».

По этому заявлению и начал судебный процесс народный судья Якутович. Он учел всю огромную роль кошки в обиходе Окунькова... Не понял он только одного: как следует относиться к склочным заявлениям заплеванных обывателей.

И впрямь для этого судьи сильнее кошки зверя нет.

С. СМУЛЯНСКАЯ

Днепропетровск

— Чем объяснить такую высокую посещаемость?

— Очень просто: сегодня выдают заработную плату штатным работникам клуба.

Скорая помощь

ПО УЛИЦЕ Ржева двигалась лошадка. Она бежала легко, поскольку содержимое повозки состояло всего из двух пассажиров и небольшого чемодана.

Пассажиры были: заведующий ржевской центральной амбулаторией врач Прудников и санитар Галанов.

А вся эта комбинация из лошади, повозки, врача, санитара и чемодана с медицинскими принадлежностями представляла собой знакомую ржевцам «скорую помощь».

Предстоял визит к больной женщине.

«Что за болезнь? Поспеем ли вовремя?»

Вдруг из-за лошадиной головы стали выплывать какие-то буквы. Вот они окончательно определились и дошли до сознания: «Пиво».

И Прудникову стало сразу ясно, что если в данный момент в его организме чего-нибудь недостает, то именно доброй кружки пива.

— Стой-ка! Тпр-ру! — обратился Прудников к санитару.

Санитар осадил лошадь.

Прудников поспешно выбрался из повозки и скрылся за дверью пивной.

Что там произошло, неизвестно. Вполне возможно, что после этой одной кружки Прудникову стало ясно, что если теперь чего-нибудь недостает в его организме, то именно доброй другой и третьей кружки. Алетит, как известно, приходит с пивом.

В свою очередь, и санитар Галанов, оставшийся возле лошади, принадлежал к нормальному типу людей, обладающих всеми положенными природой условными рефлексам.

— Тпр-ру! Ни с места! — скомандовал он лошади и тоже устремился в пивную.

Долго ли, коротко ли ждала лошадка, неизвестно. Лошади часов не наблюдают.

Но вот она услышала знакомые шаги и голоса, Скосив глаза, она увидела на месте врача и санитара.

— Поехали!

Натянулись вожжи, и лошадь уже была готова приступить к выполнению своих обязанностей, как вдруг послышался озадаченный окрик врача:

— Стой-ой! Где чемодан? Чемодан где?!

Пассажиры суетились, шарили в повозке, хотя чемодан и не мог никуда завалиться.

— Может, вы его в пивную? — предположил санитар.

— Да нет же... Тут остался, в ногах...

— Тогда ясно — унесли! Вот тебе фунт! Уперли! Ах, народ — жулик! — озадаченно бормотал санитар. — Всего только на минуту отошел — и на! Никакой тебе сознательности!..

Врач растерянно смотрел на то место, где надлежало быть чемодану.

— Как же теперь, Галанов, к больной? Ни бинтов, ни лекарств... Что за неприятность!.. Опять, что ли, ехать в амбулаторию?..

— И на что им инструменты? — продолжал обсуждать санитар, влезая в повозку. — Чего они смыслят? Совести у людей нет... Может, больная помирает, а они инструмент сперли... Стервы!.. Н-но! Трогай!..

Вожжи натянуты, и лошадка бойко побежала, не чувствуя никакого изменения в грузе, поскольку отсутствие чемодана компенсировалось присутствием пива.

Насчет больной ничего не знаем.

Но через несколько дней санитару Галанову представился случай пересмотреть вкратке свое отрицательное суждение о человеческой совести.

В один прекрасный радиовещательный час ржевский радиоузел громогласно оповестил:

— Внимание! Найден чемодан с медицинскими инструментами. Пострадавшего просят обратиться по следующему адресу...

Радио разнесло известие по всему городу, не миновав и амбулатории, — и Ржев готовился увидеть в самые ближайшие часы свою «скорую помощь», спешающую за чемоданом.

Но обернулось иначе.

«Заведующий амбулаторией врач Прудников (как пишет один из недоумевающих ржевцев) счел лишним отозваться на публикацию, и чемодан с амбулаторным имуществом так и не вернулся в амбулаторию».

Зато санитар Галанов вспоминает и до сих пор:

— Наш был чемодан! Ей-богу, наш! Скажи на милость. Есть же, оказывается, совесть у людей! Прежде вор, небось, не поглядел бы, что тут медицинская ценность! А нынче нет! Разбирается народ!..

Б. ВЛАДИМИРОВ

НОЧНОЙ ВОР

В аппарате Наркомлеса около двухсот человек пользуется правом давать директивы, указания и разъяснения к ним.

Рис. Б. Клинка

Ансамбль дирижеров Наркомлеса.

ВЫ ХОТИТЕ знать, почему нашего тракториста Сафара прозвали ночным вором? Пожалуйста, я расскажу вам эту страшную историю...

С детства дружили друг с другом Сафар и Халима. Вместе, соседями, они росли в нашей деревне. Вместе играли на пыльных кривых улочках, вместе ходили в школу, а потом — выросли...

Что ж, так всегда: дети растут, а мы старимся...

В один год уехали Халима и Сафар в большой город на курсы, учиться.

А там, в большом, шумном городе, поглядел Сафар в черные глаза Халимы и влюбился. И стало казаться Сафару, что ничего нет на свете красивей глаз Халимы. Нет ничего прекрасней звука ее голоса. А длинные косы Халимы, как два меча, пронзили сердце Сафара... Да и Халиме стало казаться, что Сафар не такой, как все другие: особенно умный, особенно добрый, особенно... Ну, словом, когда кончился срок ученья и нужно было возвращаться в родную деревню, решили они вместе пойти по дороге, которую называют жизнью...

Купил Сафар Халиме в подарок зеленую шолковую шаль, купил ей на запястье широкий серебряный браслет, и приехали они к себе в родную деревню. Сафар — тракторист и Халима — учительница.

На следующий день пришел Сафар в дом Халимы, поклонился седой бороде Меджид-Оглы и сказал:

— Ата, я люблю твою дочь, и она меня тоже любит. Отдай мне ее, ата, в жены.

Засмеялся в ответ старый Меджид-Оглы. Очень хитрый старик был!

— В добрый час, Сафар, — сказал он. — Как сына тебя люблю. Только помнишь наш старый обычай?

— Какой? — спросил Сафар.

— Нравится тебе Халима — укради ее, твоя будет!

— Что ты, Меджид-Оглы, — испугался Сафар. — Как я живого человека красть буду? Что это, спички? А что люди скажут? Надо мной в гараже все ребята смеяться будут!

— Не гараж ты замуж берешь — Халиму берешь, — сказал Меджид-Оглы. — Укради, доставь мне, старику, удовольствие. Я потом всем старикам в деревне нос утру. Скажут старики: «Вот как красива дочь у Меджида. Вот какой смелый человек ее муж, Сафар!» Укради Халиму, Сафар, очень тебя прошу, укради, а потом бери ее в жены...

Что делать, а? Подумал, подумал Сафар и решил: доставлю старику удовольствие, украду Халиму.

Тихо пришла в деревню ночь. Синяя-синяя ночь. Улыбнулась в небе большая луна, расплескала она серебро на узеньких улочках, и побрел Сафар к дому Меджид-Оглы, чтобы украсть Халиму... Да, легко сказать: «украсть». Как украсть?

Окна Халимы высоко — с земли не достать... Камнем бросить — стекло расшибешь... Крикнуть: «Приходи, Халима, джан, я тебя красть буду!» — соседи проснутся... Что делать, а? Ходил Сафар вокруг дома Халимы, как голубной верблюд: тут постоит, подумает, там постоит, подумает. Вдруг слышит сзади, из темноты, тихие шаги. Обернулся Сафар, забилось его сердце, и сказал он нежно:

— Это ты, Халима, джан? Дай я тебя к груди своей прижму!

— Я тебе прижму, я тебе прижму при исполнении служебных обязанностей! — прогремел у него над самым ухом грубый голос.

Взял милиционер бедного Сафара под руку и повел его в милицию. До самого утра выясняли личность Сафара. Протокол писали, анкеты заполняли, подписку отбирали. Пришлось Сафару утром прямо из милиции на ра-

боту идти. А вечером пришел он опять к старику Меджид-Оглы.

— Слушай, ата, — говорит, — всю ночь из-за тебя в милиции просидел. Не велит начальник Халиму красть!.. Даже подписку отобрал — не велит!

— Эх, — вздохнул Меджид-Оглы. — Какая теперь молодежь пошла! Девушку, и то украсть не может! Кто же так делает, как ты? Приезжай ночью к дому, приставь к окну лестницу, увези Халиму — твоя будет!

Так и ушел от него Сафар. А когда над деревней загорелись звезды, вывел Сафар свой трактор из гаража, погрузил на него лестницу и поехал красть Халиму. Подъехал к дому, тихо-тихо гудок дал. Высунулся в окно младший брат Халимы, Гасан, спрашивает:

— Ты что, Сафар? Сверхурочно работаешь, а? Ночью сено возишь?

Соседи сбежались, смеются: — Зачем тебе лестница, Сафар? На небо влезть хочешь? Неужели там без тебя дураков мало?!

Ну что делать, а? Чуть не заплакал бедный Сафар.

Приходит он на следующий день к старику Меджиду и говорит:

— Что ты от меня хочешь, ата? Не умею я красть. Нет у меня практики в этом деле. В детстве один раз хотел я на базаре у торговки бублик украсть, и то поймали! Расскажи мне толком, как это делается.

Покачал головой старый Меджид-Оглы:

— Какая молодежь пошла! Такую простую вещь — девушку украсть — не может!.. Черную бурку надень. Справа — шашка; слева — винтовка; за пояс пистолет заткни. Садись на горячего коня. Приставляй к окну лестницу, кради Халиму, целуй, обнимай, сладкие слова говори, потом, как ветер умчишься — твоя будет!

Весь день ломал голову Сафар, где ему коня достать. Ходил, просил, — никто коня на ночь не дает: конь, говорят, — тоже человек, ему ночью отдохнуть нужно... Что делать, а? Наконец, упросил Сафар приятеля своего Мамеда — дал он ему коня. Хороший попался конь, спокойный такой, тихий, толстый, на этом коне в колхозе из реки воду возили. Бурку Сафар напрокат у другого приятеля взял, шашку в клубе, в драмкружке, одолжил. Поехал Халиму красть. А ночь на этот раз была темная — в двух шагах белую курицу не разглядишь... Тихо подъехал Сафар к дому. Приставил к окну лестницу. Влез в окно — и замер, забилось сердце у Сафара, застучало сердце, как трактор на плохой дороге. Видит он: сидит в кресле Халима, закуталась в зеленую шаль, что он подарил. Сидит и ждет

его, Сафара. А сердце у Халимы, наверно, тоже бьется, так бьется, того гляди, вспорхнет, как птица, и улетит! Поднял Сафар на руки Халиму. Прижал ее к своей груди. Свес вниз по лестнице, посадил впереди себя на седло и помчался. Ну, конечно, не особенно уж быстро помчался: из водовозной лошади автобус не сделаешь! Но все-таки выехал Сафар благополучно за околицу. Везет он в седле свою красавицу, обнимает ее, целует, сладкие слова говорит...

А сзади погоня! Коня стучат копытами, люди бегут, кричат: «Укради, укради, держи его!» Хлестнул плеткой коня Сафар и помчался дальше. А погоня настигает, ближе храпят кони, вот-вот догонят и схватят Сафара... Оглянулся Сафар и помертвел: впереди всех скачет на белом коне начальник милиции, за ним помощник начальника несется, дальше три милиционера верхом летят и аптекарь в белом халате. Братья Халимы бегут, от лошадей не отстают, а за ними вслед и старик Меджид-Оглы ковыляет. Словом, полдеревни пустилось в погоню. И вдруг прогремел голос начальника милиции.

— Стой!!! — закричал он.

И лошадь Сафара сперепугу остановилась. Окружил Сафара народ, подлетел к нему начальник милиции и закричал:

— Ага, попался, Сафар! Опять попался!

Гордо вскинул голову Сафар:

— Люблю я Халиму, потому и украд!

— Какая верблюдья голова! — крикнул начальник милиции. — Кого ты украд?

Отдернул зеленую шаль Сафар и видит: сидит на седле старуха, тетка Халимы, Нургаян. Сидит и улыбается. Схватился за голову бедный Сафар.

— Ошибка, — кричит, — ошибка вышла?.. А зачем же ты, бабушка, зеленую шаль Халимы надела?

— Холодно ночью было, Сафар, джан, потому и надела... — отвечает бабушка.

Тут даже старик Меджид не выдержал, подскокил он к бабушке и закричал:

— А что ты улыбаешься, Нургаян? Зачем дала себя украсть? Почему не кричала? Почему не ругалась?

И вздохнула старуха Нургаян:

— Ай, что ты говоришь, как можно было ругаться? Так крепко обнимал Сафар, так нежно целовал, такие сладкие слова говорил! Шестидесять лет я таких слов не слыхала... Наверно, аллах мне их перед смертью послал!

На следующий день поженились Сафар и Халима. А с этой ночи тракториста Сафара прозвали в деревне ночным вором...

ИЛЬЯ ФИНК

Дорогой крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Ты уж извини, что я тут ввернул старую поговорку: она тут как раз к месту. А там будет и новая. Ну, так вот. Про перчаточника говорят: «мастер на все руки». Про футболиста: «мастер на все ноги». Но знаешь ли ты, что есть и мастера, так сказать, смешанного действия.

Вот мой земляк, Иван Алексеевич Вадуев, из города Кирова, Смоленской области, о нем свободно можно сказать, что это мастер не только на все руки, но и на все ноги. Если хочешь, он даже в своем роде всесоюзный рекорд установил.

В целом Иван Алексеевич служит сторожем склада станции Подписная. А в частности и по совместительству он за рабочий день выполняет функции чуть не целого десятка сторожей. Вот слушай, что он сторожит: Заготлен — оклад 115 рублей; участок № 3 ДУРП — оклад 150 рублей; Сельхозснаб — 150 рублей; новостройка № 3; Ремстройконтора; контора лесозаготовительного участка; Кировский торг; заготпункт «Дубитель»; Рославльский райтрансторгпит, а всего, стало быть, 9 объектов, 9 окладов, 9 ведомостей на зарплату — на общую сумму 1185 рублей в месяц.

Смотришь на этого рекордсмена и удивляешься. Ну, как это один человек может столько точек сторожить, откуда только глаза берутся?.. Как это один труженик столько точек обходить может? Откуда только ноги берутся? И откуда столько рук? В девяти ведомостях расписываться, в девяти кассах деньги получать!

Однако мне всего удивительнее представляется, как это руководители названных «точек» так легко и беззаботно народные денежки на ветер бросают.

ВИКТОР ПЛАТОНОВ
город Киров.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Наднях мы получили от Московской конторы бывш. Главуралугля бочку горелок: 5-линейных — к керосиновым лампам и 3-линейных — к лампочкам ручных железнодорожных фонарей.

Никаких инструкций к бочке не приложено.

Может быть, мы тут отстали от века? Может быть, такими горелками теперь оснащены все шахты Донбасса и Урала?

Или это для культурной забавы — для специальной игры в горелки? Будь добр, спроси контору, что нам делать с бочкой горелок.

Пока не получим объяснения, пусть не требуют от нас «денги на бочку».

Начальник отдела снабжения треста Домбаровуголь ПАФНУТЬ-ЕВ.

п/о Профитерн,
Чкаловской области,
Домбаровского района.

Рис. Б.П.

НАУЧНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ.
Современный большой самолет

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА. Чудесный аэропорт.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Зная, что ты любитель всего удивительного и смешного, сообщаю тебе о следующем.

Недавно заместитель начальника Рославхлеба Шапиро подмахнул письмо № 85053, разосланное всем трестам главка. Основная мысль директивы была обоснована и выражена очень свежо и оригинально:

«В связи с тем, что капитального ремонта лошадям и прочим животным не производится, средства могут расходоваться на приобретение нового поголовья».

К сожалению, в письме ничего не говорится о производстве лошадей, коров, верблюдам, цыплятам среднего, текущего и планово-предупредительного ремонта, а также холодной и горячей промывки.

Конечно, можно думать, и они не производятся, иначе тов. Шапиро не преминул бы об этом сказать.

А все-таки нельзя не отметить, что пужной ясности в письме главка нет: какое-то оно недоработанное. А недоработанные письма рассылать не следует. Может получиться не то что курам — лошадям и коровам насмех...

Город Горький.

Н. ЦВЕТАЕВ

КИНОБОЛЕЛЬЩИК

Я в детстве был шалуни, признаюсь, любил подраться, посвистеть, а нынче мне уже тринадцать, уже года мои не те.

Я моделист, изобретатель, юннат, юнкор и форвард, но...

Но больше всех моих занятий люблю одно: оно — кино!

Представьте:

Зал во тьме, и все так странно...

От волнения не вздохнуть, вот от будки до экрана протянулся млечный путь...

А там...

Наш один, а их пятьдесят!

У него пакет, а за ним летят, а он на лошадь, а они на него, а он кэ-эк трахнет! Ну, мирово!

А лошадь упала, а тут пулемет, а он гранату — и ходу вперед!

Бу-бух! Ба-бах! Тра-та-та-та!

Ух, чорт! Как здорово! Ну, красота!

Вчера к обеду мне для мамы за хлебом побегать пришлось...

Пошел я в булочную прямо, но хлеб лишь к ужину принес. Я шел домой, но по дороге — кино, афиши, яркий свет...

Ну сами завернули ноги, а руки взяли мне билет!

И снова

Зал во тьме, и все так странно...

От волнения не вздохнуть, вот от будки до экрана протянулся млечный путь...

А там...

Наш один, а их пятьдесят!

У него пакет, а за ним летят, а он на лошадь, а она на него, а он кэ-эк трахнет! Ну, мирово!

А лошадь упала, а тут пулемет, а он гранату — и ходу вперед!

Бу-бух! Ба-бах! Тра-та-та-та!

Ух, чорт! Как здорово! Ну, красота!

Вот я больших не понимаю:

ведь вас не держат, как детей?

Кто вам велит скучать за чаем, ходить к знакомым, звать гостей?

Что вы сидите здесь, в театре?

Вам деньги тратить все равно?

Так вам хватило б раза на три сходить на лучшее кино!

Поймите:

Зал во тьме, и все так странно...

От волнения не вздохнуть,

вот от будки до экрана

протянулся млечный путь...

А там...

Наш один, а их пятьдесят!

У него пакет, а за ним летят, а он на лошадь, а они на него, а он кэ-эк трахнет! Ну, мирово!

А лошадь упала, а тут пулемет, а он гранату — и ходу вперед!

Бу-бух! Ба-бах! Тра-та-та-та!

Ух, чорт! Как здорово! Ну, красота!

С. БОЛОТИН

Обыкновенная кукла

В РАЗГАР совещания к директору фабрики «Радостная игрушка» Кривцову крадучись подошла секретарша и что-то тихо прошептала на ухо.

— Художница? — удивленно переспросил Кривцов. — Ко мне художница? Не понимаю, зачем. Хорошо, пусть подождет.

Через два часа, как только кончилось совещание, директор сразу вспомнил о странной посетительнице. В кабинет вошла молоденькая скромно одетая девушка. Тем не менее Кривцов — неизменный посетитель всех вернисажей — сразу узнал в ней только что окончившую Академию, но успешную зарекомендовавшую себя с самой лучшей стороны художницу Н. Стараясь скрыть свое недоумение, Кривцов нарочито шумно приветствовал гостью:

— Дорогая Валентина Павловна! Как я рад, что вы решились посетить нашу скромную обитель! Ведь никто из вашего брата не вспомнит о нас. Вы первая, можно сказать, переступили этот порог.

— У меня к вам, собственно говоря, маленькое дело.

— Даже дело? Что ж, я весь внимание. Садитесь, пожалуйста! Вот сюда: здесь удобнее.

Художница подошла к столу и развернула эскиз куклы.

— Не знаю, что со мной случилось, — слегка покраснев от волнения, сказала она, —

но последний месяц я только и думала об этой глупой кукле.

— Глупой?! — восторженно воскликнул Кривцов. — Да ведь это же прелесть! Боже, как хорошо!

Кривцов быстро отбежал назад и прищурил глаза.

— Эти жемчужносеребристые тени как чудесно гармонируют с легкой прозрачностью красок. Нет, не могу! Должен показать своим. Срочно созовите сюда, — сказал Кривцов, обращаясь к секретарше, — весь руководящий состав предприятия.

Скоро в кабинете стало тесно. Все единодушно восторжались работой Н. А Кривцов не удержался и произнес маленькую речь:

— Товарищи, вот у кого мы должны учиться любви к делу, мастерству, упорному труду над повышением качества своей продукции. А что мы имеем на деле? Разве это — то, что от нас требует наш юный, но взыскательный потребитель? — он показал рукой на витрину с опытными образцами продукции фабрики — серыми, безликими куклами.

Оставшись снова вдвоем с Н., Кривцов спросил ее:

— Этот эскиз приготовлен для очередной майской выставки молодых художников? Ображаю, какой фурор он там произведет!

— Нет, — смутилась Н., — я хотела предложить его вам.

— Мне?

— Ну да. В качестве модели. Для производства. Я специально над этим работала.

— Для производства... — лицо Кривцова мгновенно потускнело и покрылось сетью мелких морщинок. — Для производства? Вряд ли мы сможем использовать его.

— Вы только что сами так хвалили.

— Я хвалил для выставки, как произведение искусства. Ну что здесь изображено?

— Здесь? — удивилась художница. — Кукла, обыкновенная кукла...

— Вот, то-то же. Просто кукла! — злобно повторил Кривцов. — А нам нужны куклы, увязанные с тематическим планом, — зоологические, индустриальные, исторические. А ваша кукла бессодержательна. Смазливая рожица, и только. Впрочем, обратитесь к начальнику покрасочного цеха. Он человек опытный в таких делах.

Начальник покрасочного цеха не мог скрыть своего пессимизма:

— План в ассортименте нами в основном перевыполнен. Острый недостаток ощущается только в куклах-неграх. Вы попробуйте, тут работы немного: слегка покрасьте лицо, руки — и дело готово.

Художница возмущенно встала.

— Ну хорошо, не волнуйтесь. Оставьте.

Когда Н. ушла, начальник цеха наложил на ее эскизе размашистую резолюцию: «Переделать согласно стандарту № 1511/А».

А. БАСМАНОВ

Особый Отдел

ГДЕ РОНО?

В селе Водораздельном и в деревне Мелехине, Серышевского района, Амурской области, можно наблюдать некоторые загадочные эпизоды.

Одному почтенному покупателю с седой бородой, спросившему в магазине сельпо пачку махорки, продавец ответил в повышенном тоне:

— Скажи твоему папаше, чтобы он пришел поговорить насчет твоего поведения.

А на вопрос одного ученика сельской школы, в котором году произошла битва на Калке, учитель совершенно внятно отчеканил:

— Товар отпускается только в тару покупателя.

Отгадки на эти ответы-загадки найти очень легко, если принять во внимание, что учителя Григорюк (село Водораздельное) и Кулешов (деревня Мелехино) ведут четыре класса в две смены и работают по совместительству продавцами в магазинах сельпо.

Перегрузка учителей объясняется недогрузкой зав. РОНО тов. Короткого, каковой в школы вверенного ему района не показывается.

ПРИКАЗНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Есть люди, для которых приказ — панацея от всяких бед, лекарство от всех болезней. Эти люди не только сами живут от приказа к приказу, но и других норовят держать в приказной узде.

Вот недавно начальник отдела кадров всесоюзной конторы «Союзтиль» Озюлин известил управляющего Ивановской конторой «Союзтиль»:

«В соответствии с разработанным нами на 1940 г. планом социалистического соревнования Ваша контора должна в 1940 г. соревноваться с Ярославской конторой «Союзтиль».

Выходит, ежели ивановцы почему-то пожелают соревноваться с калининцами или с

горьковчанами, так это, извините, нельзя: планом сие не предусмотрено!

Как жаль, что плануемому воздействию не поддаются человеческие поступки. Тогда уместно было бы, чтобы приказных дел мастера настроили Озюлина:

«В соответствии с разработанным нами на 1940 г. планом Вы не должны делать в 1940 г. никаких глупостей».

Рис. Д. Дубинского

— Наконец-то милиционер первым оказался на месте происшествия.

— Как это произошло?

— Очень просто: на него напали хулиганы.

МУДРЫЙ СУДЬЯ

Предполагается, что народные судьи — это люди, твердо стоящие на защите государственных интересов. Эту законную уверенность не мог поколебать в нас даже нарсудья 1-го участка города Томска.

Получив из Ростова на Дону заявление Аздоррыбколхозсоюза о взыскании с томской базы Рыбпромсоюза 511 руб. 58 коп., этот судья обнаружил, что иск следует адресовать не нарсуду 1-го участка, а нарсуду Вокзального участка города Томска.

Вслед за этим можно было ожидать, что судья перешлет иск по назначению. Да не тут-то было! Мудрый судья отправил заявление вместе со своим указанием обратно в Ростов на Дону! Пусть другой раз не путают адресов!

Ох, что-то вызывает сомнение этот защитник государственных интересов, не жалеющий ни бумаги, ни времени, ни денег!

ВЫТЕКАЮЩЕЕ ПОСЛЕДСТВИЕ

Заместитель начальника Московско-Киевской железной дороги тов. Дятлов подписал распоряжение, адресованное всем помощникам начальников отделений службы движения. В 5 абзаце 3-го пункта этого документа мы прочитали:

«...Если будет обнаруживаться в делах входящая корреспонденция без Вашей резолюции, то этот факт будет относиться к служебному преступлению со стороны ДПП с вытекающими из сего последствиями для них».

Мнения адресатов, проштудировавших упомянутый абзац, разделились.

— Не иначе, — высказались одни, — тов. Дятлов сочинил в дополнение к уголовному кодексу новую статью.

— Какая же это статья?! — возразили другие. — Это фельетон, написанный Дятловым о самом себе!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 729.

Сдача текста и рисунков 5/VII 1940 г. Подписано к печати 15/VII 1940 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—29986. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2235. Тираж 271 000 экз.

311

Рис. Ю. Ганфа

В АНГЛИИ

13990 ✓

Крылатые
20 июля 1940
гг. И. Палла

— Вчера Чемберлен в палате гарантировал нам победу.
 — Неужели гарантировал? Тогда мы пропали.

	Период и серии	„Лит енд“
Получ. в ред.	ЮТ 40 г/1/1	
Сдан в архив	20/1/40 23/1/40	